

Глава первая

В кои веки выдался незапланированный выходной — и на тебе! Позвонил дежурный по РУВД и сообщил, что нужно срочно выезжать на адрес, где обнаружен труп.

— Дайте мне хоть сегодня отдохнуть, — ответил Гончаров, — почти шесть вечера: пусть кто-нибудь из моих ребят туда едет.

— А нет никого — разбежались твои ребята, майор. Практикант один сидит, скучает.

— Какой практикант?

— Из школы милиции. В смысле, из университета МВД. Бери его и отправляйся. Да там и делов-то на часок всего, не более: суицид в чистом виде. Соседи участкового вызвали, а тот нам сейчас позвонил. Понимаю, конечно, всем не до этого: пятница, вечер, лето, дача, то да се, но надо же кому-то. А у тебя, Игореша, дачи нет...

— Теперь есть, — попытался возразить майор, — как раз сегодня ездил оформлять сделку.

— Поздравляю. Короче, подсакивай туда, а я отправлю эксперта и практиканта, они начнут, а потом... все быстрее получится. И не забудь, завтра с утра ты заступаешь дежурным по району.

— Кто там из участковых?

— Романов.

— Который из них?

— Николай Второй.

Участковых с такой фамилией в районе было двое: один — майор, Денис Иванович, а второй — капитан, которого родители в свое время, не подумав, назвали Коленькой, и теперь он вынужден до конца дней зваться Николаем Вторым. Но этот Романов был парнем хватким, Гончаров даже в свое время предложил Николаю Второму перейти к нему в убойный, а тот почему-то отказался, заявив, что в участковых ему спокойнее. Возможно, он был прав. Даже наверняка прав.

А у Дениса Ивановича Романова не было никаких прозвищ, да и звезд с неба он не хватал и, получив майорское звание, тихо ждал своей пенсии, особо ничем не проявляя себя. Хотя однажды составил протокол, который потом повесили на доску объявлений с визой начальника РУВД. В протоколе красным фломасте-

ром была подчеркнута одна фраза. «Тело обнаружено лежащим на диване. Глаза широко открыты — одного нет».

А виза полковника Жаворонкова, поставленная все тем же красным фломастером, была такая: «Умри, Денис: ты лучше не напишешь!»

Судя по всему, начальник районного управления внутренних дел был знаком с отечественной литературой, в частности, с творчеством драматурга Дениса Ивановича Фонвизина.

То, что убийства никакого не было, Гончаров понял сразу, подойдя к двери подъезда. Во-первых, на нем был домофон с переговорным устройством, камерой наблюдения, а также кнопкой вызова консьержа. Игорь достал из кармана удостоверение, поднес к глазку камеры и нажал на эту кнопку.

— Вы к кому? — вылетел из устройства женский голос.

— Майор Гончаров, убойный отдел.

Дверь открылась. Игорь подошел к стеклянной перегородке, за которой сидела пожилая женщина.

— Посторонние в течение дня заходили в подъезд? — спросил он.

— Никого не было, — ответила женщина и добавила: — А проживающие по нашей лест-

нице очень приличные люди; ранее судимых нет, лиц, ведущих антиобщественный образ жизни, тоже не имеется, конфликтов между соседями не случалось.

— Вас уже опросили? — догадался майор.

— Пять минут назад молоденький ваш в курсантской форме. Опросил и записал на камеру телефона.

— Номер квартиры напомниме, — попросил майор.

— Седьмой этаж, налево от лифта, сто пятая.

— Сто пятая? — переспросил Гончаров, удивляясь такому совпадению¹.

Он поднялся на лифте, повернул налево и сразу увидел распахнутую дверь квартиры, возле которой стояли понятия — немолодая женщина и парень лет тридцати: судя по тому, что на ногах у них были домашние тапочки, — соседи.

Майор вошел в квартиру, оказался в просторной прихожей, из которой выходили два коридора: один вел на кухню, а другой к комнатам. Дверь одной из них была открыта, и там находились люди. В комнате работала дежур-

---

¹ Статья 105 УК РФ — умышленное убийство.

ная бригада, приехавшая на вызов. В коридоре стоял участковый Романов и наблюдал за действиями спецов. Увидев вошедшего в квартиру Гончарова, он двинулся ему навстречу, протягивая руку для приветствия.

— А тебя-то зачем сюда подтянули? — удивился он. — Я сразу определил, что это самоубийство, и эксперт тоже так думает.

— Всех соседей опросил?

Романов кивнул, а потом признался:

— Не всех. Но этим сейчас практикант занимается. Хваткий мальчик. Он сразу все стал на свой телефон фиксировать.

— Кто обнаружил труп?

— Жена. То есть теперь уже вдова.

— Опросил ее?

— Пока не получилось. Выяснил только, что она вернулась домой, обнаружила мужа висящим в петле, побежала к соседке, и там ей стало плохо... Соседка сначала мне позвонила, а потом «Скорую» вызвала... Врачи приехали, когда я уже здесь находился, вкололи вдове что-то успокоительное, потом пришли и посмотрели на труп.

— Что сказали?

— Сказали, что помочь уже ничем не могут.

Гончаров заглянул в просторную комнату. Судя по обстановке, это была гостиная с дорогой мебелью. За круглым столом сидел следователь Лячин и что-то писал. Стол был большой, на нем еще уместились открытый ноутбук, бутылка виски и пустой стакан, там же лежал мобильный телефон.

В комнате работал эксперт, за действиями которого внимательно наблюдал паренек в форме курсанта школы милиции. На полу лежал труп мужчины, но разглядывать его Гончаров не стал.

Следователь Лячин, увидев начальника убойного отдела, кивнул ему и, показав на бутылку, спросил:

— Хочешь глотнуть, там еще грамм сто осталось.

— Ты дурак, Лячин, и шутки у тебя дурацкие, — ответил Гончаров и показал глазами на практиканта.

— Виски «Джемесон» двенадцатилетней выдержки, — произнес эксперт, — такая литровая бутылка тысяч восемь стоит. А этот, — эксперт показал на труп, — выпил восемьсот граммов, может, даже больше: вскрытие покажет. Весу в нем вряд ли больше семидесяти,

так что и без крюка это для него почти смертельная доза.

— Какого крюка? — не понял майор.

— Он на крюке для люстры повесился.

Гончаров придвинул стул ближе к центру комнаты, встал на него и поднял руки к потолку.

— Едва достаю, а покойный ниже меня.

— А он со стола в петлю сиганул. Со стола дотянуться можно.

— Кто проводил осмотр тела?

— Я, — отозвался из коридора участковый Романов, — след от асфиксии характерный для подобных случаев...

— Спрашиваю, что нашел в его карманах?

— Я туда не залезал.

— Он записку оставил, — сказал Лячин, — нет, даже послание в современных тенденциях. Посмотри на компьютер.

Он повернул ноутбук, и Гончаров увидел белый экран, на котором темнела крупная надпись, сделанная, вероятно, самым крупным кеглем¹:

«Да пошли вы все!!! Вова».

— Владимир Сергеевич Колужный, бизнесмен, — объяснил следователь и показал на

---

¹ Кегль — размер буквы или знака по вертикали.

тело: — Что-то его очень достало, раз сам в петлю полез.

— Николай Второй, будь другом, — обратился Игорь к участковому, — проверь карманы его брюк.

Романов вздохнул и наклонился над телом.

— В этом ничего, а во втором... тоже ничего.

— А в заднем?

— Где в заднем? — после некоторой паузы переспросил участковый.

— У мужских брюк есть задний карман, — напомнил Игорь, — некоторые участковые инспекторы там прячут записку от жены.

Романов посмотрел на паренька:

— Помоги, практикант, тело перевернуть.

Курсант подошел и начал помогать.

— Не боишься покойников? — спросил его Лячин.

— А чего их бояться, они уже ничего сделать не могут, — произнес паренек.

— Достойная смена растет, — одобрил ответ курсанта следователь.

Гончаров посмотрел на покрасневшее лицо паренька и понял, что тому явно не по себе.

— Нашел, — сказал участковый, доставая что-то.

Он протянул руку к Гончарову ладонью кверху, показал два презерватива в упаковке. Николай Второй положил их на стол и вздохнул.

— Не знаю, как и сказать.

— Презервативы, — произнес майор.

— Ну да, — согласился Романов, — только я хотел по-другому назвать.

— Контрацептивы? — подсказал Игорь.

— Как? — не понял Николай Второй.

Гончаров показал на лежащий на столе аппарат:

— Чей мобильный?

— Покойного, — ответил участковый.

Майор взял его, а потом махнул рукой практиканту:

— Пойдем с женой поговорим. То есть со вдовой.

Они вышли из квартиры. И сразу к ним шагнул молодой сосед:

— Можно мне все же уйти? Я спешу на работу.

— Только один вопрос: в каких отношениях были с покойным?

— Ни в каких. Здоровались при встрече в лифте или во дворе. В их квартире был раз

два: один раз на кухне, а другой — в гостиной, где он сейчас... Третий раз сегодня.

— Первые два визита чем были вызваны?

— Уф, — выдохнул мужчина, понимая, что разговор затягивается, и посмотрел на часы.

— Вы куда-то спешите? — поинтересовался Игорь.

— Обещал на работе, что вернусь сегодня. Я же домой заскочил, чтобы бумажник взять: там деньги, банковские карты. Бумажник в куртке остался, которая на мне вчера была, сегодня пошел в рубашке, а он...

— Так зачем вы заходили к соседям?

— В первый раз Владимир Сергеевич меня пригласил двадцать третьего февраля праздник отметить. Мы с ним посидели часа два, а потом я ушел, потому что его немного развезло. А второй раз я встретил его жену. Она из машины вытаскивала пакеты с продуктами, помог донести ей их до лифта, а потом и в квартиру занес. На кухне поставил все и ушел.

— Вы сказали, что соседа развезло? С ним такое часто случалось?

— Откуда мне знать? Мы же с ним встречались не так чтобы постоянно... Ну, может, пару раз видел в состоянии опьянения... Не-

давно он даже из своей машины выходил не совсем в адеквате.

— Вопросов больше нет... Погодите. А где вы работаете?

— Я фитнес-тренер, провожу занятия с мужскими группами.

— Сколько лежачих от груди жмете? — неожиданно заинтересовался практикант.

— Сто двадцать, могу и больше, но не пробовал.

— Ого! — удивился Гончаров. — А по виду не скажешь, что вы такой силач.

— Просто вы меня с голым торсом не видели, — обиделся мужчина и снова посмотрел на часы.

— Можете быть свободным, — сказал Игорь и посмотрел на практиканта: — Пойдем поговорим со вдовой.

Но сам не сдвинулся с места, посмотрел вслед мужчине, который поспешил к лифту.

— Бумажник не забыли? — крикнул Гончаров.

Фитнес-тренер остановился и, развернувшись, бросился к своей квартире. Пробегая мимо и не сбавляя темпа, махнул рукой:

— Спасибо, что напомнили: такое случилось, сами понимаете — голова не на месте.

— Пойдем? — спросил практикант.

— Погоди, — ответил майор и посмотрел на паренька, — тебя как зовут?

— Петр.

— Погоди немного, Петя. Ты, как я заметил, телефон держал в руке. Диктофон включал?

— Включал: все время записываю.

— Вас так учат?

Практикант молча покачал головой. Мимо пробежал фитнес-тренер и показал кожаный бумажник. И как раз подошла кабина лифта.

— А теперь, Петя, пойдем к вдове.

Им открыла пожилая соседка.

— Ну что вам все нейдет? — возмутилась она. — Ниночке и без вас так плохо, она только-только успокоилась. Меня лучше спросите: все про них знаю.

— Хорошо, — согласился Гончаров и направился вслед за хозяйкой на кухню. Женщина указала ему на стул, а практиканта как будто не заметила вовсе.

Майор окинул взглядом помещение и восхитился:

— Хорошо устроились. В дорогом доме, такая обстановка у вас. Квартира двухкомнатная?

Женщина кивнула и попыталась быстро объяснить:

— Я всю жизнь работала и накопила, потом после развода отсудила у бывшего мужа половину совместно нажитого.

— А муж чем занимался?

— Лесом торговал.

— Так что вы можете сообщить по существу?

— Про то, как они жили? — переспросила женщина. — Нормально жили, как все. То есть сначала он жил один, а потом женился и появилась Ниночка. Она была очень приветливой.

— Была, а теперь?

— Не так выразилась. Она и теперь такая, только стала очень грустной в последнее время.

— Почему?

Женщина пожала плечами, а потом шепнула:

— Володя пить начал. Я про мужа ее говорю, который сегодня... — Она показала глазами на потолок.

Практикант, оставшийся в дверях, посторонился, и на кухню вошла молодая женщина с распухшим от слез лицом.

— Вы из полиции? — тихо спросила она.

— Начальник отдела по раскрытию убийств майор полиции Гончаров, — представился Игорь и показал на Петю: — А это наш практикант.

— А что тут расследовать, когда и так ясно, что с Володией случилось...

На ее глазах выступили слезы.

— Так полагается, — объяснил Гончаров, — надо удостовериться, что смерть не носит криминального характера.

Вдова вздохнула, посмотрела на соседку, и та уступила ей свое место.

Нина села на стул, и только сейчас Игорь заметил, что у нее стройная фигура и опустилась она очень грациозно, слегка выпрямив спину.

— Есть предположение, почему он свел счёты с жизнью? — спросил Гончаров.

— Я не знаю, почему он это сделал. Вернулась домой, во дворе стояла машина Володи...

— Какая?

— «Тойота Прадо». Я поднялась. Вошла в квартиру, а там тихо... Позвала его... потом вошла и увидела, как он висит... Закричала... После этого ничего не помню.

— Так и было, — подтвердила соседка.

— Где работал Владимир Сергеевич?

— Он владелец туристической компании, — ответила вдова, — но не единственный: есть еще Коля... то есть Николай Ильич Лукин. У Володи сорок процентов акций, а у Лукина шестьдесят. В последнее время между ними

как будто кошка пробежала. Доходы резко сократились... Коля, то есть Лукин, еще обвинил моего мужа черт знает в чем, будто бы Володя деньги не так тратит... А мой муж... — она закрыла лицо ладонями, — не знал, как оправдаться. Они ведь друзьями были, вместе бизнес начинали почти двадцать лет назад...

Гончаров достал из кармана телефон самоубийцы и посмотрел на запись звонков: последний исходящий с номера Колюжного был сделан два часа назад, то есть непосредственно перед самоубийством. Но вызов продлился две секунды, как видно, абонент не захотел с ним разговаривать. А до этого Николай Лукин звонил Колюжному сам, но было это в десять утра, и разговор длился без малого четверть часа. А еще в течение дня Колюжный четыре раза связывался с каким-то колл-центром. И больше контактов не было.

— Володя очень боялся Лукина, потому что тот в девяностые был бандитом. Николай на десять лет старше моего мужа, и вообще, он даже не улыбается никогда...

— Как вы познакомились с мужем?

— Десять лет назад с подружкой пришла в их компанию и приобрела тур в Тунис. И Володя тоже был в нашей группе... Мы с первого

взгляда понравились друг другу, а когда вернулись, Володенька сделал мне предложение. Жили, мечтали о детях, и вот такое несчастье...

Гончаров посмотрел на соседку:

— Вы не могли бы оставить нас наедине? Сейчас мой помощник запишет ваши паспортные данные... А вы еще расскажите Петру, что знаете об остальных соседях по площадке.

Хозяйка квартиры ушла вместе с практикантом. Только после этого майор спросил очень тихо:

— Почему у вас не было детей — вы что, предохранялись?

— Нет, — затрясла головой Нина, — мы оба страстно мечтали о детях...

— У вас прекрасная фигура, — продолжил Игорь, — какой фитнес-зал посещаете?

Женщина горько усмехнулась, судя по всему, вопрос был ей неприятен, но все же ответила:

— Да это уже все в прошлом. Да я особо и не посещала — так, заглядывала иногда... А зачем вы спрашиваете?

— У моей жены такая же фигура, ну может быть, почти такая, и я знаю, каких трудов это ей стоит. Да еще ей надо было мотаться: полчаса за рулем туда, потом столько же обратно. А здесь зал далеко?

— В соседнем доме. Неплохой, кстати.

— Сосед ваш там работает?

— Который? А, это молодой такой? Не знаю — может быть.

— Да бог с ним, с вашим соседом, — махнул рукой Гончаров, — он к делу не относится.

— Да, — согласилась женщина, — я его едва знаю. Он мне помог как-то продукты до квартиры донести.

Тут включилась мелодия звонка мобильного телефона.

— «Блэк мэджик вумен», — узнала Нина, — у моего мужа на входящем звонке точно такая же музыка стояла.

— Так это его аппарат и есть, — сказал Игорь и вышел из кухни.

Посмотрел на экран, вызов шел с номера абонента «Колл-центр».

Гончаров нажал на кнопку и вышел на лестничную площадку, прижимая телефон к уху.

— Алло, — прозвучал в трубке нежный женский голос, — ты меня слышишь?

— Слышу, — ответил майор.

— Это Володя?..

— Нет. Владимир Сергеевич ответить не может. Я немного позже вам перезвоню. Только вы скажите, как вас зовут.

— А вы кто?

— Я — майор полиции.

— Полиции? — удивился голос. — А что такое произошло? Вы можете мне объяснить?

— Объясню, только если вы назовете себя и скажете, по какому вопросу звоните.

— Передайте Володе, что звонила Вика и хотела узнать... Но это я ему скажу сама, потому что это очень личное.

— Я понимаю, вы хотели сказать, что любите его и ждете.

— Да, — совсем тихо произнесла девушка, — а что с ним? Его арестовали?

— Ничего не могу говорить. Просто нет сейчас времени. Перезвоню через часок, и мы пообщаемся.

Он постоял еще минуту, раздумывая, потом вернулся в квартиру и направился в комнату, где хозяйка с увлечением рассказывала что-то практиканту.

Женщина повернулась к нему:

— Слушаю вас.

— Этот парень, молодой, что здесь живет...

— Максим, что ли? Так он не живет, он здесь квартиру снимает. Где-то в январе въехал. Хороший парень: не курит, не пьет, не вы-

ражается. Женщин к себе не приводит. Плохого слова про него не скажу.

Гончаров вернулся на кухню. Вдова смотрела в окно, за которым была стена точно такого же дома — двойника того, в котором она сейчас сидела, правда, не в своей квартире, а за кухонным столом соседки.

— Кто-то звонил на телефон моего мужа? — спросила Нина.

— Да, — кивнул Гончаров, — звонил важный свидетель. Потом я связался с экспертами, которые уже работают по вашему делу, и получил исчерпывающую информацию.

— Какую?

Игорь ответил не сразу, а потом признался:

— Даже не знаю, с чего начать. — Он помолчал, словно обдумывая последующие слова, и перешел на почти доверительный тон: — Видите ли, Нина, статья сто пятая УК РФ часть первая, а именно убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы до двух лет или без такового.

— Зачем вы мне это говорите? — растерялась Нина. — Не понимаю.

— Максимальный срок могут присудить, если убийство связано с корыстными интересами: завладением имуществом убитого человека — квартирой, машиной, его долей в бизнесе. Пятнадцать многовато, конечно, но при хорошем и дорогом адвокате могут назначить и двенадцать, однако двенадцать лет тоже много. Это бесконечно много. Вам сейчас сколько?

— Мне сейчас тридцать два. Только при чем здесь я? Не понимаю, к чему эти намеки? Неужели вы могли подумать? Да вы что!

— Я ни на что не намекаю, просто рассуждаю. Минимальный срок по сто пятой части первой — шесть лет, но можно получить и меньше, если дело будет рассматриваться в особом порядке, когда подозреваемый еще до суда признает свою вину. В этом случае наказание будет две трети от минимального, то есть четыре года. При хорошем поведении можно будет рассчитывать на условно-досрочное освобождение. То есть пребывание в колонии составит уже не сорок восемь месяцев, а всего тридцать два, а с учетом нахождения под стражей до суда и того меньше — года два. В моей практике были такие случаи: два года вместо пятнадцати... Два года осужденные женщины работают в швейной мастерской...

— Я поняла, — медленно произнесла Нина, поднимаясь со стула, и повторила, уже почти разъяренная: — Я поняла, к чему вы клоните: вы хотите, чтобы я призналась в убийстве, которого не совершала. Вон из квартиры!

— Квартира не ваша, — напомнил Игорь.

Вдова вскочила со стула и шагнула к выходу, но на ее пути стоял полицейский, и она остановилась.

— Вы не совершали убийства, — согласился Гончаров, — но, вполне возможно, организовали его. Присядьте, пожалуйста. Я вам не враг и все сейчас объясню. Дело в том, что криминалистическая наука за последние лет пять шагнула далеко вперед. На крюке люстры остались отпечатки, на самой люстре, на клавишах компьютера...

— Нет там никаких отпечатков.

— Есть, даже если преступник действовал в гигиенических перчатках. Кроме того, внутри самих перчаток остались его потожировые следы... Опять же на веревке остается след латекса, из которого изготовлены перчатки, да и на самой перчатке след от веревки, на которой был подвешен ваш муж... Под давлением улик ваш сообщник пойдет на сделку с правосудием и получит четыре года, которые превра-

тятся в скором времени в два. А вам как организатору и выгодополучателю — ведь вы же наследуете все состояние мужа — влепят все пятнадцать, которые не уменьшатся ни в каком случае. А пятнадцать лет строгого режима в компании грязных уголовниц — уверяю вас, не все переносят.

— Я не понимаю, чего вы от меня хотите...

— Я не настаиваю, Нина, — с сочувствием произнес майор, — вы подумайте немного, а потом мы пройдем в вашу квартиру, заглянем в мусорное ведро или в корзину с бельем, короче, осмотрим все помещения самым тщательным образом. Очень скоро обнаружим перчатки, отошлем на экспертизу. После чего обратного пути уже не будет. Сколько лет Максиму сейчас?

— Какому Максиму?

— Вашему соседу. Мы же вспоминали о нем сегодня. А вы каждый раз переспрашиваете, будто не помните, о ком идет речь, а ведь он бывал у вас не раз: помогал заносить в дом продукты, задерживался...

— Ему тридцать, — ответила женщина, — кажется, тридцать... Но точно не знаю.

— Он выйдет из колонии общего режима, когда ему будет тридцать четыре, а может, и тридцать два всего. Он останется молодым

мужиком, сильным. А вам еще сидеть и сидеть на строгае. Как вы думаете, станет ли он ждать вас тринадцать лет?

Нина задумалась, посмотрела в окно, вздохнула, повернулась к Гончарову и посмотрела на него так, словно хотела попросить о чем-то.

— Я не убивала, — тихо произнесла женщина, — это Максим. Он заметил, что у нас с мужем плохие отношения... То есть не то что плохие, а вообще никаких. Володя начал выпивать, завел себе любовницу. Хотел даже развестись, но не желал делить имущество... Он стал поднимать на меня руку, оскорблял постоянно. Сосед случайно стал свидетелем нашей ссоры... И я в таком состоянии отчаяния случайно поделилась с ним своим горем. А он сказал как бы в шутку, что в подобной ситуации любая женщина просто обязана обезопасить себя... Обещал мне помочь, потому что я очень нравлюсь ему... Сказал, что как-нибудь предложит Володе выпить вместе, напоит его до бесчувственного состояния и повесит... Я тогда подумала, что это шутка, потому что поверить в то, что человек, пусть даже из-за любви, может лишиться жизни другого, невозможно. Но вот видите сами, что именно так и случилось...

— То есть вы сами ничего не планировали?

— Нет, конечно, — возмутилась Нина, — как вы такое вообще могли подумать?!

Гончаров обернулся на дверь, за которой был коридор.

— Очень приличная пара, — прозвучал там голос соседки, — они так любили друг друга. Кто бы мог подумать, что такая трагедия случится!

Майор кивнул, словно соглашаясь с только что услышанным, и посмотрел на вдову:

— Сейчас мой помощник принесет лист бумаги, и вы все это напишете, только не забудьте указать, что вы не были в курсе преступных намерений человека, которого едва знали, и тогда хороший адвокат переквалифицирует статью сто пятую на какую-нибудь попроще, например, на двести пять точка шесть. А это или штраф в сто тысяч рублей, или, но это в самом худшем случае, один год в колонии-поселении. То есть год будете жить в сельском доме, ходить в лес за грибами...

— Какие еще грибы?

Гончаров достал из кармана свой мобильный.

— Вот, смотрите. Мы заходим в интернет... Ищем в поисковике текст Уголовного кодекса... вот... подгружается... Статья двести пять... Читайте сами. Думаю, что вас даже в следственный

изолятор не отправят, до суда будет объявлена подписка о невыезде. За это время найдете хорошего адвоката, на деньги не скупитесь — эти крючкотворы иногда творят чудеса и людей, ранее не судимых, разумеется, порой оправдывают и за убийства.. Вы прочитали статью?

— Два раза, — тихо ответила Нина.

— Петя, — крикнул майор, — не в службу, а в дружбу, попроси у хозяйки лист бумаги и ручку.

А практикант уже стоял наготове возле входа на кухню с пачкой листов для принтера.

— И все-таки я вам не верю, — тряхнула головой женщина. — С какой стати мне на себя наговаривать? Я же не знала ничего.

— Потому что вы сами жертва. Вы очень доверчивая. Я хочу помочь вам по двум причинам: главная — то, что вы очень похожи на мою жену, а вторая — то, что преступление должно быть раскрыто. А оно и так уже раскрыто: преступник получит свое, а вы, как я надеюсь, встанете на путь покаяния и найдете себе достойного спутника жизни... Да, еще не забудьте написать, что у мужа была любовница...

— Конечно, напишу, раз вы советуете, — согласилась Нина, — я и сама понимаю, как это важно.

— Конечно, именно поэтому ваш муж собирался развестись с вами. Максим как-то узнал об этом и предложил вашего мужа убить, но вы отказались... Вы даже решили, что это была неудачная шутка, а потому не заявили в полицию, о чем сейчас безумно сожалеете.

— Погодите, — попросила женщина, — не так быстро, а то не успеваю запомнить, что писать.

— Пишите на мое имя: начальнику отдела по раскрытию убийств майору полиции Гончарову Игорю Дмитриевичу. И посередине листа крупными буквами поставьте: «Явка с повинной».

Глава вторая

— Вы сразу догадались, кто убийца? — спросил практикант, сев в машину Гончарова.

— Нет, конечно. Но потом, когда обнаружили презервативы, подумал: зачем женатому человеку таскать их с собой, когда можно их хранить в семейной спальне. Потом сосед сказал, что он — инструктор по фитнесу. А увидев фигуру вдовы, я подумал, что, скорее всего, она тщательно поддерживает форму, а значит, ра-

ботает на тренажерах. Тридцать два года, конечно, не приговор, но именно в этом возрасте женщины начинают уже следить за своим телом и сходить с ума от каждой складочки или морщинки. А потом во время общения понял, что Нина что-то не договаривает. Да и тренер этот показался странным: почти полгода живет здесь один, а женщин к себе не приводил. Ну, я и сопоставил. Дело-то не такое уж сложное: сорокадвухлетний мужик... кстати, мой ровесник, понял, что женился в свое время по дурости. Маялся, маялся и наконец, найдя себе молоденькую, решил на развод. Зачем ему в петлю лезть, когда у него на стороне любовь со взаимностью? Жена поняла, что делить ей с мужем нечего: особых денег на счетах не было, квартира приобретена Колюжным до брака, а значит, супруга не могла претендовать на половину ее, акции предприятия стоят гроши, на что могла гражданка Колюжная рассчитывать? Разве что на половину автомобиля «Тойота». Но по потребностям Нины это для нее сущие крохи. Вот так я подумал.

— Интуиция?

— Может быть. А может, опыт. Но я всегда смотрю в глаза того, с кем беседую, и много вижу в них. Когда человек невиновен, ему бо-

яться нечего — и это читается в глазах, а когда что-то скрывает, взгляд становится напряженным.

Игорь Дмитриевич остановил машину.

— Метро, — сказал он, — будешь выходить?

— А я в отделе сегодня не нужен буду?

— Нет, до понедельника ты свободен.

Петя взялся за ручку двери, приоткрыл ее и захлопнул.

— Получается так, что вдова уйдет от наказания?

— Не получится. Она провалится на первом же следственном эксперименте. На очной ставке со вторым подозреваемым. Ведь как все было: ее наивный любовник Максим напоил гражданина Колужного до бессознательного, как и планировал, состояния, потом прицепил к крюку люстры веревку с петлей, обхватил двумя руками бесчувственное тело и приподнял над полом. А Нина накинула петлю на шею мужа, после чего Максиму оставалось только разжать захват. Сейчас нашего молодого силача доставят в отдел, я с ним побеседую: доходчиво объясню, что его использовали. Скажу, что Нина не собиралась выходить за него замуж: она молода, красива, считала себя уже богатой и могла найти пусть не очень молодо-

го и не с такой, как у него, фигурой, но более достойного ее человека, с положением в обществе. Думаю, что он и сам это скоро поймет.

Паренек попрощался и вышел.

Гончаров позвонил жене и сказал, что постарается вернуться побыстрее — к десяти вечера наверняка успеет домой.

— К десяти? — удивилась Марина. — Ты же сегодня на весь день отпросился.

— Постараюсь вернуться раньше и погуляю с собакой.

Впрочем, с собакой гулял только он, хотя хозяйкой карликового шпица считала себя Марина. А собачке было все равно: шпиц тьявкал на обоих одинаково громко.

Максим продержался недолго, было видно невооруженным взглядом, что он боится. Сначала, правда, пытался даже возмущаться, мол, его подозревают зря, тем более что всем известно: сосед повесился сам. Потом Гончаров прочитал ему несколько фраз из показаний Нины.

— Я не знаю, зачем она так говорит, — помотал головой подозреваемый, — мы ведь с ней едва знакомы.

— Следствие проверит ее показания, и если гражданка Колюжная сообщила правду, она